

ЗАПАДНАЯ ФИЛОСОФИЯ **И СОВРЕМЕННЫЙ МИР**

УДК 1(091)

ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА В ФИЛОСОФИИ Г. ЗИММЕЛЯ¹

Б.Л. Губман, К.В. Ануфриева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

DOI: 10.26456/vtphilos/2020.3.257

В статье рассматривается эволюция взглядов Г. Зиммеля на проблему исторического опыта. В её формате показано, что трактовка этой темы складывается в его размышлениях под преимущественным влиянием наследия И. Канта и неокантианства, а также В. Дильтея и А. Бергсона. Ранний период развития воззрений Зиммеля на специфику исторического опыта отмечен в целом доминантным влиянием идей Канта, подчиняющим себе проблематику мысли Дильтея. В финале своей академической карьеры Зиммель разрабатывает версию трактовки исторического опыта, которая своим акцентом его временного характера выдержана в целом в русле преобладания установки философии жизни.

***Ключевые слова:** история, историческое познание, исторический опыт, понимание, смысл истории, И. Кант, В. Дильтей, А. Бергсон, философия жизни, неокантианство.*

Георг Зиммель (1858–1918) – крупный немецкий философ и социолог, чье творчество в его зрелом варианте складывается в основном в ракурсе переосмысления проблематики философии И. Канта, неокантианства и философии жизни. Весьма значимой частью его наследия, оживленно обсуждаемого в современной философской и социологической литературе, является философия истории, которая сфокусирована на роли опыта как в постижении индивидуальных событий минувшего, так и осмыслении его панорамы как целостности. Учение Зиммеля эволюционировало от социал-дарвинизма, положений эволюционизма Г. Спенсера, психологического учения Г.Т. Фехнера к неокантианству, а затем и к философии жизни, сформировавшейся не только под влиянием А. Бергсона, но и трудов А. Шопенгауэра, Ф. Ницше и В. Дильтея. В творчестве Зиммеля, начиная с освоения им идей Канта и неокантианства, уже присутствует и определенное влияние философии Дильтея, которое отнюдь не является доминирующим. Однако постепенно идеи философии жизни

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ «Постклассическая западная философия истории: исторический опыт и постижение прошлого», № -20-011-00406 - А.

выходят на первый план его размышлений, что особенно очевидно на завершающем отрезке его творческой биографии. Именно в этот период проблема исторического опыта и его роли в осмыслении традиции минувшего начинает отчетливо прочитываться в ключе философии жизни, хотя его предыдущие размышления вполне вписываются в канву новых выводов. Попытаемся рассмотреть последовательную трансформацию воззрений Зиммеля на исторический опыт и его роль в постижении прошлого в свете переакцентировки доминантных начал, обозначившихся в ходе эволюции его философского мировоззрения.

Постижение деятельности субъекта истории как проблема понимания

В центре рассмотрения историософии Зиммеля находится проблема исторического опыта как основы постижения смыслового содержания деятельности исторического субъекта и её соотнесение с целостностью, вершащейся во времени исторической традиции. Оба полюса историософии Зиммеля одинаково важны и неотделимы друг от друга. При этом нельзя не заметить, что их рассмотрение варьируется в зависимости от изменения общемировоззренческих исканий этого автора. Систематическое изложение философско-исторические взгляды Зиммеля получили в труде «Проблемы философии истории», который был впервые издан в 1892 г., а затем после радикальной доработки претерпел еще два переиздания в 1905 г. и 1907 г. Каждое из этих изданий отличается особой акцентировкой, сопряженной первоначально, как подчеркивают аналитики его творчества, с доминантным началом идей Канта и неокантианства, а затем с постепенным переходом к тематике философии жизни, которая стала преобладающей в финале академической карьеры Зиммеля.

Очевидно, что Зиммель познакомился с идеями философии жизни еще в начале своей академической карьеры. Исследователи его творчества говорят о том, что, например, внимание Зиммеля к философии В. Дильтея и его пониманию объективного духа, воплощенного в формах культуры, возникло еще в университетских стенах под влиянием преподавателей М. Лацаруса и Х. Штейнталя [10, с. 557; 11, с. 579]. Зиммель проявлял на протяжении своей академической карьеры большой интерес к творчеству И.В. фон Гёте, а также А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, о чем свидетельствуют его труды, в которых анализируются идеи этих мыслителей. Последний период его деятельности напрямую связан с освоением потенциала учения А. Бергсона. Некоторые специалисты по наследию Зиммеля считают, что именно Бергсон во многом определил комплекс исканий «позднего» Зиммеля [13, с. 541], тогда как другие подчеркивают значимость тематического поля, заимствованного им у Дильтея [15, р. 61; 17, р. 10] и Э. Гуссерля [14, р. 203–208]. Его историософские построения сопоставляются также с идеями М. Вебера

[12, с. 579]. Как самостоятельный мыслитель Зиммель далеко не всегда считал необходимым пояснять истоки смены доминантных узлов собственной мысли, не отрицая одновременно влияния других авторов. В рождественском послании Г. Риккерт, датированном 26 декабря 1916 г., Зиммель говорил, что хотел бы написать новую книгу по философии истории, которая должна была резюмировать его поворот к проблематике философии жизни [16, р. 7]. Однако осознание тяжести своей болезни и приближающегося финала земного пути заставило его отойти от реализации замысла написания еще одного большого сочинения по философии истории. Он счел необходимым потратить остаток своих дней на создание последнего крупного труда по проблематике философии жизни, который появился в 1918 г. под названием «Созерцание жизни. Четыре метафизических главы». Тем не менее, его финальное прочтение проблемы исторического опыта дошло до нас в варианте трех его статей: «Проблема исторического времени» (1916), «Конститутивные понятия истории» (1917–1918), «О природе исторического понимания» (1918). В них содержится своеобразный эскиз его зрелых историософских исканий, которому не было суждено воплотиться в детально проработанный и законченный труд по этой тематике.

Несмотря на то, что историософские воззрения Зиммеля серьезно трансформировались на протяжении его жизни, между ними существует значительная линия преемственности, которая заслуживает серьезного исследования. «В самом деле, – заключает Р. Арон, – эволюция мысли Зиммеля кажется яснее при сравнении начального и конечного пунктов его деятельности. Между этими двумя крайними пунктами происходит переплетение тем, смещение идей, и было бы напрасно стремиться к воспроизведению последовательности ряда теорий (особенно, если учитывать, что у Зиммеля никогда не было системы в собственном смысле слова)» [2, с. 111]. Так или иначе, проблема понимания уникальных личностей и их деяний в контексте целостности минувшего, воспринимаемой сквозь призму исторического опыта познающего субъекта, всегда оставалась в фокусе внимания Зиммеля.

Рассуждая о постижении истории, Зиммель исходит прежде всего из специфики исторической предметности и возможности овладеть таковой усилием субъекта познания. То, что случилось во времени, известно нам по деяниям определенных субъектов, действовавших в конкретных ситуациях и породивших определенный эффект, а также соотносимо с определенными эпохальными целостностями и с историей как единством свершившегося и имеющего отношение к настоящему. В фокусе размышлений Зиммеля, по сути, сразу даны оба момента того, что подразумевается под историей – и сингулярность индивидуального акта свершившегося действия, и целостность традиции, воспринимаемой сквозь призму современности. Исходя из этой посылки, Зиммель решает

поставить в первую очередь вопрос о возможности понять интересующие нас деяния субъекта прошлого.

Он признает уникальность и неповторимую сингулярность каждого акта, совершенного субъектом в истории. Если познающий прошлое субъект стремится постигнуть уникальность исторического действия, совершенного некогда другим человеком, то тогда неминуемо возникает вопрос, возможно ли это в принципе, и если в итоге получен утвердительный ответ, то тогда ход размышлений неминуемо рождает еще один вопрос – о способе погружения в содержание свершившегося в минувшем. При рассмотрении этих двух вопросов Зиммель изначально имел ответы на них, подготовленные Кантом и его последователями, с одной стороны, и Дильтеем – с другой.

В отличие от Дильтея, который обвинял Канта в нечувствительности к времени истории и сопряженному с ним опыту жизни, Зиммель в своих историсофских штудиях отнюдь не считает возможным отказаться от центральных выводов его доктрины. В первую очередь это касается положения о том, что исторические деяния людей являются «вещами в себе», которые сокрыты от познающего субъекта и даны ему лишь через феноменальные проявления.

Из идеи феноменальной данности, фиксируемой субъектом, он исходит в «Проблемах философии истории», первоначально отнюдь не рассуждая о специфике переживания любого исторического явления сквозь призму опыта пребывания во времени.

Совершенно в духе кантовского теоретизирования Зиммель пишет о том, что при изучении индивидуальных, а также коллективных деяний, совершенных в истории, необходимо возникает разграничение внешне фиксируемых актов, которые могут быть описаны в объектно-вещной данности их свершения и постижения внутриспсихической смысловой наполненности таковых, делающей их понятными познающему субъекту: «Все внешние происшествия, политические и социальные, экономические и религиозные, правовые и технические не были бы для нас ни интересны, ни понятны, если бы не проистекали из душевных движений и не вызывали таковых. Если не смотреть на историю как на игру марионеток, то она не что иное, как история психических явлений...» [8, с. 1–2]. Историк в таком варианте оказывается изначально обреченным на задачу «разгадки» внутренней психической и частично осознанной мотивации деятельности людей, чтобы понять смысл случившегося. Сущность его ремесла, по Зиммелю, состоит в раскрытии осознанных и неосознанных побудительных мотивов деяний людей, о которых он узнает, реконструируя в своем воображении цепь интересующих его конкретных событий минувшего. Недаром Зиммель избирает эпиграфом первой главы «Проблем философии истории» высказывание своего наставника в годы обучения в Берлинском университете, крупного исследователя древнеримской истории Т. Моммзена, который гово-

рит о воссоздании историком, подобным в своих занятиях поэту, по изученным следам прошлого в горниле собственной фантазии лишь некоего «суррогата» интересующих его событий.

Исторические события, реконструируемые по разнообразным источникам, представляются Зиммелю, в отличие от случающегося в природе, уникальными, хотя это и не исключает их возможного сходства. Он не отрицает перспективы их видения в ценностном измерении, хотя, в отличие от Г. Риккерта, и далек от создания аксиологической гносеологии, утверждающей рождение исторической предметности на базе отнесения к ценности. Если воззрения Риккерта кульминируют в утверждении онтологии ценностей, то Зиммель говорит о релятивизме ценностного взгляда на мир в целом и на историю, в частности. В отличие от Риккерта, Зиммель приходит одновременно с утверждением кантианского характера своего подхода к истории к психологизации её постижения под очевидным влиянием воззрений Дильтея. Для Дильтея, разумеется, не может быть и речи о историческом событии как «вещи в себе», ибо таковое предстает как предмет непосредственного переживания в временном горизонте постоянно трансформирующегося исторического опыта (см.: [1, с. 284–298; 4, с. 40–46]). При этом Дильтей отнюдь не теряет связи с трансценденталистской установкой, рассматривая таковую как средство рефлексивного анализа исторического опыта и даже создания цепи реальных категорий герменевтической направленности в поздний период своей деятельности. Психологизм Зиммеля представляет собою попытку создания несколько иного, в отличие от дильтеевского, синтеза философии жизни с наследием кантовского трансцендентализма. Зиммель попытался предложить в рамках разработки собственного учения об историческом опыте как основе постижения прошлого свой вариант осмысления взаимосвязи априоризма и психологизма.

Центральным тезисом философии исторического познания Зиммеля является утверждение о том, что субъект, постигающий деяния людей, способен достичь своей цели, поскольку он является носителем специфически человеческого опыта, неотрывным от его исторического содержания. При этом Зиммель размышляет и о наличии априорного компонента, структурирующего исторически окрашенный опыт, понимая таковой не только на базе наследия Канта, но и в полемике с ним. Его построения отмечены достаточной оригинальностью, хотя в них присутствует определенная эскизность и недосказанность.

Первоначально, рассматривая проблему опыта в «Проблемах философии истории», Зиммель не делал акцент на его временном характере, и лишь в поздний период его творчества, когда момент философско-жизненной рефлексии превалирует в его произведениях, она становится определяющей в его творчестве. В вышеназванном труде опыт не рассматривается подробно в плане выявления предпосылок его формирования, но частые ссылки на Канта дают основание полагать, что в целом

Зиммель вслед за ним трактует таковой как в основе своей итог упорядочения мира явлений на базе априорных форм чувственности – времени и пространства, а также категоризации рассудочного порядка. Сказанное явствует из его анализа форм а priori чувственности, рассудка и разума, предложенных Кантом [8, с. 3]. Однако означает ли согласие с Кантом в целом в отношении генезиса опыта полное и безоговорочное одобрение Зиммелем построений творца немецкого трансцендентализма? На этот вопрос можно ответить отрицательно, ибо Зиммель считает необходимым подвергнуть более внимательному рассмотрению и ревизии само представление об априоризме, данное в философии Канта. «Очевидно, – заключает Зиммель, – имеется много ступеней а priori и весьма различные смещения привнесенной формы и прежде уже бывшего налицо содержания» [8, с. 3]. Априорные основания конституирования опыта представляются ему многообразными и отнюдь не исчерпывающимися временем и пространством как формами чувственности и категориальным арсеналом рассудка, на которые указывал Кант. Зиммель всецело солидаризируется с кантовской критикой эмпиризма, представители которого, не замечая того, постоянно пользуются недоказанными метафизическими положениями, позволяющими устанавливать зависимость между чувственными данными и превращать их в «понятный опыт». «Но влияние и необходимость неизвестных и недоказанных предположений простирается гораздо дальше, чем то указывают Кантовы исследования. Практика также, подобно теории, ежеминутно пользуется формами сочетания эмпирического материала, тою особою пластическою силою духа, которая может влить в многообразные окончательные формы любое данное содержание, благодаря особому способу приводить их порядок, согласовывать их и подчеркивать их» [8, с. 4–5]. Таким образом, в формировании опыта, влияющего на познавательно-теоретическую деятельность и практику, вносят свой вклад многообразные априорные формы, многие из которых, на взгляд Зиммеля, принадлежат к исторически преходящим.

Следуя канве рассуждений Зиммеля, можно заключить, что как духовно-психическая основа деяний людей в истории, так и наличный опыт историка априорно заданы. Значит, в процессе постижения минувшего имеет место понимание реалий, сопряженных с опытом его обитателей, в перспективе опыта настоящего, носителем которого выступает историк. Поскольку в этой ситуации встречаются два априорно структурированных мира, А.Ф. Филиппов справедливо характеризует такого рода ситуацию как «априоризм в квадрате» [12, с. 582–583]. В таком варианте историк, «разгадывающий» действие субъекта в прошлом, должен не только постигнуть его смысловое содержание, но и представить такое на фоне объективного духовного фона той эпохи, в которую он жил.

Поскольку деятельность отдельных личностей является базовым основанием истории, проникновение в их уникальный психический мир

выглядит, по Зиммелю, первичным условием постижения минувшего. Именно поэтому он считает себя вправе констатировать, что «психология является априорной предпосылкой исторической науки» [8, с. 40]. В таком случае теоретико-познавательная рефлексия призвана выявить ресурс аппликации психологических представлений применительно к тем реалиям личностного мира, которые обнаруживаются в источнике. Ее задача по отношению к истории «заключается в том, чтобы установить правила, по которым, на основании внешних документов и преданий, можно было бы делать заключения о психических явлениях и которые давали бы достаточно оснований для установления “понятной” связи между ними» [8, с. 40]. В данном отношении знание психологии рисуется своеобразной априорной стартовой площадкой для проникновения в личностный мир с его многогранными смысловыми ориентирами. Однако знания психологии личности, как прекрасно понимает сам Зиммель, отнюдь не достаточно для постижения конкретики действия исторических акторов. Он и сам иронично замечает, что невозможно вывести содержание конкретного поступка личности в истории из общих посылок психологии. Не является панацеей в этом случае и знание источников, которые позволяют эмпирически корректно констатировать внешний слой личностных деяний. Тогда поиск психологической составляющей личностного поступка должен, по мысли Зиммеля, требовать сопроводить психологические представления эмпатией и фантазией со стороны субъекта понимания. Именно опыт понимающего, как подчеркивает он, является залогом адекватного постижения исторических деяний. «Мы выше поставили задачей истории познавать не только познанное, но и желаемое и прочувствованное, а разрешима эта задача лишь тогда, если в какой угодно психической обстановке желаемое действующим лицом будет желаемо и пишушим, прочувствованное пережито им» [8, с. 18]. Можно согласиться с Зиммелем относительно того, что историк, не имеющий опыта, аналогичного опыту личности, жившей в прошлом, вряд ли способен рассказать о нем. Момент сопереживания и воспроизведения минувшего в воображении роднит усилия писателя и историка. При этом, как представляется, в собственно академическом плане в деятельности историка наиболее важным компонентом будет своеобразное «проигрывание» силами воображения рациональной мотивации того или иного субъекта истории, о чем в разное время содержательно писали М. Вебер и Р. Дж. Коллингвуд, а затем и представители коллингвудианского тренда в рядах сторонников аналитической философии истории.

Рассуждая о перспективе понимания деятельности субъекта в конкретной исторической ситуации, Зиммель небезосновательно задумывается над тем, какую роль играют при этом знания историка об объективных формах духовной жизни людей, которые конституируют взаимосвязи между ними. Ведь деяния субъекта всегда ориентированы на

других людей, заданы эпохой и ситуативно. Исторический субъект, по мысли Зиммеля, неотрывен от коллективной жизни, и его действия могут пониматься лишь в контексте воспроизводимых в сообществах людей форм социальной жизни и культуры, тех стереотипов поведения, которые разделяются в группах, сообществах, сплачивающих человеческие коллективы. «Это характерное единство индивидов и групп, очевидно, принадлежит к числу априорных предпосылок каждого исторического исследования» [8, с. 36], – резонно констатирует Зиммель. Такого рода априорные предпосылки выглядят, на его взгляд, снимающими до определенного предела возможные субъективистские искажения, сопряженные с эмпатией как методом проникновения в смысл деяний исторических субъектов.

Принимая наличие объективных форм организации исторического опыта, которые исследователь прошлого берет на вооружение для экспликации событийной ткани, Зиммель со всей очевидностью обращается к наследию Дильтея. Начиная с ранних работ (вплоть до поздних творений) Дильтей полагал важным подчеркнуть, что своеобразный «сброс» форм организации исторического опыта ведет к его универсализации и появлению неких общих стереотипов, направляющих деятельность отдельных субъектов. Для Дильтея такая трактовка объективного духа была формой полемики с универсализмом гегелевской концепции и одновременно с крайним номинализмом видения исторического знания сторонниками Баденской школы неокантианства [5, с. 192]. Зиммель разделяет его мотивы и даже склонен в противовес позиции Риккерта допустить возможность номологических обобщений для объяснения исторических событий, демонстрируя, как и Дильтей, позитивное отношение миллевской версии логико-эпистемологической трактовки этого сюжета. Отдельные пассажи его главного историософского труда в этом отношении напоминают рассуждения о принятии роли «охватывающих законов» для объяснения истории, прозвучавшие позднее в устах сторонников модели К. Поппера–К. Гемпеля.

Переживание времени и осмысление целостности истории

Целостность истории, наряду с ее событийной канвой, всегда, по мысли Зиммеля, находится в объективе мысли историка. «Философия истории, – писал он, – видит перед собою двоякого рода задачи, соотносительно с двойственным значением понятия истории: мы обозначаем им, с одной стороны, судьбы человечества как научное представление и изложение, с другой, сами события, содержание само по себе, не обращая внимания на форму познания его в науке» [8, с. 125]. При постижении истории дело складывается таким образом, что надделение смыслом индивидуального действия оказывается в конечном счете возможным лишь путем построения целостной панорамной картины минувшего. Потребность иметь представление о смысле истории как универсально-

го процесса вытекает из вполне локальной задачи постижения деяний индивидуальных субъектов в конкретных ситуациях минувшего. Объяснения исторических актов на базе априорных предпосылок стереотипов ситуативного поведения, наличных культурных стандартов и даже регулярностей номологического типа, о которых достаточно абстрактно рассуждает Зиммель, оказывается совсем не достаточно. Именно такое положение дел заставляет его заключить, что эмпирии исторического процесса необходимо дополнение в виде панорамного постижения смыслового содержания исторического целого на основе спекулятивно-умозрительного философского теоретизирования. Вот тут-то и возникает проблема относительно статуса подобного рода конструкций, их соотнесения с задачей построения рефлексивной метафизики.

Перед Зиммелем с очевидностью вырастает дилемма следования учению Канта или же Дильтея. Кант, как известно, предложил острую критику спекулятивной метафизики и разработал собственный критический вариант таковой. Его кульминацией было учение о идеях разума, позволяющих придать смысловое наполнение непостижимым в опыте предметностям – миру в целом, Богу, душе и истории. Дильтей, принимающий во многом пафос рассуждений Милля, выступил с резким неприятием метафизики, утверждая, что история обретает свой смысл при понимании её событийной канвы и целостности в перспективе горизонта исторического опыта как переживания субъектом своего пребывания во времени. Зиммель согласен с отрицанием установок классической европейской метафизики, но для него неприемлем во многом кантовский сценарий критической метафизики, который предполагает жесткий контур трансцендентальной аналитики сознания. В отличие от Дильтея, он не считает, что метафизическое мирозерцание стало лишь частью интеллектуального пейзажа минувших эпох и подлежит окончательному удалению из нашего, ориентированного на исторический опыт, видения истории. Признавая вслед за Дильтеем то, что переживание опыта истории составляет отправной пункт её понимания одновременно в измерении событийно данного и целостности фона его постижения, Зиммель фактически вразрез с его платформой заявляет, что наделение минувшего смыслом не может состояться без обращения к различным формам метафизических допущений. Признание им критико-метафизических допущений в плюралистическом варианте означает приятие им важности таковых как своеобразного горизонта понимания. Хотя Зиммель многократно повторяет, что история предстает для нас как «вещь в себе» и явлена только в известных нам эмпирически констатируемых на базе источников фактах, он одновременно утверждает её осмысленность лишь сквозь призму плюральности метафизических горизонтов, меняющихся в потоке времени.

Наделение истории смысловым измерением представляется Зиммелю связанным с рядом мыслительных ходов, сопряженных с метафи-

зически окрашенной категоризацией исторического опыта. Во-первых, на его взгляд, такого рода смыслопроизводящий акт означает мыслительное соотнесение полагаемой в сознании целостности истории с ее частью. Подобное действие намечает вектор категоризации наличного материала, запечатлевающего событийно установленные реалии прошлого. В этой связи, как полагает Зиммель, производится мыслительная операция, при которой индивидуальное, событийно-неповторимое рассматривается как часть некоего целого и даже в генетическом ракурсе предстает как его порождение. Осуществление видения событийных реалий под различным метафизическим углом зрения, как представляется Зиммелю, отнюдь не влечет за собой утверждения об изменении событийного материала при его подаче в той или иной метафизической интерпретации [8, с. 89]. При этом, однако, как не трудно заметить, обращаясь к фактуальной канве наррации о процессах, рассмотренных в различной философской перспективе, мировоззренческий выбор меняет ракурс подачи событийных звеньев, их описания, а значит, даже при сохранении набора таковых трудно говорить о их полной тождественности.

Зиммель резонно полагает, что метафизические предпочтения историка должны сказаться на организации исторического материала в телеологической перспективе. В случае поиска имманентной цели исторического процесса в ключе какого-либо мировоззрения, по его мнению, избранные историком ранее причинно-следственные ряды просто начинают характеризоваться в качестве звеньев телеологически заданной последовательности, т. е., по сути, происходит их переописание. И в этой ситуации Зиммель прибегает к констатации неизменности компонентов каузальных звеньев, которые подверглись редескрипции, хотя и здесь изменение ракурса описания представляется влияющим на финальный результат такового. «Та антиципация конечной стадии, то отношение всякой предшествующей стадии к конечной, переносящееся через все промежуточные члены цепи, которое лежит в основе телеологического воззрения, лежит лишь в мысли, которая приступает к фактам» [8, с. 90], – констатирует Зиммель. Если принять его аргументацию, то получается, что каузальный подход, вне зависимости от того, применяем ли он к природным или же к историческим явлениям, в равной степени может существовать параллельно телеологическому воззрению. Они рисуются как определяемые, пусть и по-разному, установкой исследователя и не способные проникнуть в «вещи в себе», т. е. то, что за пределами по-разному характеризуемому феноменально фиксируемому материалу. При этом Зиммель продолжает считать, не предлагая каких-либо доказательств, что описание причинно-следственных связей все-таки более объективно, задано изучаемым материалом, тогда как обнаружение цели, направляющей события истории, отмечено печатью субъективизма. Одновременно, однако в явном противоречии с утверждением независимости и параллельности этих двух подходов, он скло-

нен говорить о том, что индивидуальные события истории обретают смысловое наполнение на фоне глобального видения предполагаемой телеологии социокультурного развития как целостности.

Наделение истории смыслом при её рассмотрении в метафизическом плане сопровождается, по справедливому утверждению Зиммеля, превращением таковой в ценностно окрашенную предметность. При этом возникает вопрос относительно соотносительности телеологического подхода с аксиологическим по типу видения истории. Если телеологический взгляд на историю, по Зиммелю, содержит в себе попытку хотя бы указать на собственные объективные основания, «функционализируя» известные каузальные связи и подчиняя их провозглашаемой цели развития того или иного процесса, то ценностный подход «подходит ближе к абсолютному субъективизму» [8, с. 94]. В отличие от Риккертта, Зиммель всецело релятивизирует ценностную предметность, декларируя её производность от мировоззренческих симпатий историка. Вера в объективность ценностей и коррелятивных им благ видится ему чистой иллюзией, а релятивность любых ценностных убеждений представлены в полярных оценках одних и тех же исторических событий. Зиммель отрицает любые виды исторического реализма, полагая, что за призывами к такому царит пристрастность к избираемым ценностям, которые и провозглашаются «действительными» в противовес к противоположным им. Так происходит, на его взгляд, в наиболее рельефном варианте и при обращении к материалистическому пониманию истории, которое провозглашает себя единственно верным вариантом опровержения альтернативных «иллюзорных» метафизических и ценностных допущений.

Зиммель уверен, что любые смыслообразующие метафизические конструкции являют собой «априорные положения, которые не взяты из исторического опыта, но, наоборот, привнесены извне в него» [8, с. 106]. Тем не менее, несмотря на критическое отношение к метафизическим проекциям, лежащим на данных исторического опыта в перспективе их смыслотолкования, он не допускает возможности их избежать в процессе постижения истории. Как только рассуждения историка подходят к рубежу соотносительности конкретных деяний исторических личностей и ситуаций с помещением их в кадр той или иной эпохи и целостного развития человеческого сообщества, обнаруживается необходимость историософского теоретизирования, предполагающего метафизические конструкции. Он прав, когда говорит о том, что к такого рода заключению приходят не только философы, но и профессиональные историки. Наиболее рельефно, на его взгляд, подобного рода эффект обнаруживается при обращении к тематике прогресса в истории. Для её обсуждения всегда конструируется на метафизической основе представление о некоторой идеальной цели, к которой надлежит стремиться истории. Затем реальная предметность становления социокультурных

процессов начинает соизмеряться с этим провозглашаемым финальной целью состоянием, выделяются отдельные этапы, которые к нему ведут.

Исторический опыт рассматривается Зиммелем в конечном итоге как обретающий свое завершение в метафизическом поиске смысла целостности социокультурного развития. Получается, что построение интересующей историка событийной цепи на базе исторического опыта делает неминуемо востребованным её помещение в кадр метафизически окрашенного видения целого истории и её отдельных этапов. Зиммель настаивает на самостоятельности операции надления исторического опыта смыслом, даже если она рождается внутри профессиональной практики постижения минувшего. Еще более очевидна такого рода самостоятельность, когда «полученная эмпирия имеется у нас как готовое данное и метафизика входит в нее извне как размышление, т. е. претерпевает по отношению к ней относительно самостоятельное преобразование» [8, с. 122]. Так или иначе, Зиммель подходит к положению о том, что опыт истории, дабы обрести смысловую оболочку, неминуемо движется к стадии метафизического постижения. В отличие от Дильтея, Зиммель, стало быть, выступает с опровержением заключения о кончине метафизики применительно к сфере исторического мышления. Подобно Канту, он за понимание метафизики как нуждающейся в критическом обновлении, при котором, однако, она мыслится как многообразие допущений о природе бытия, которые не притязают на прорыв к «вещи в себе» и рассматриваются как исторически трансформирующиеся.

Оставаясь верен многим положениям кантовской доктрины, Зиммель в конце своего творческого пути пересматривает собственный взгляд на исторический опыт как основу надления истории смысловым содержанием, акцентируя его экзистенциальный характер и связь с переживанием времени жизни. «Опыт является нашей перспективой взаимосвязи между объектом и целостностью единства нашего бытия... Опыт – это выражение нашего изначального, первичного отношения к миру» [19, р. 146]. Не отказываясь от значимости критической метафизики в деле наполнения смыслом знаний о минувшем, Зиммель, подобно позднему Дильтею, подробно разрабатывает на завершающем витке своей творческой карьеры идею рождения смысловой связи универсальной истории, благодаря наличию чувства времени как интегральной части опыта постижения жизни познающим субъектом. Вероятно, его размышления по этому вопросу были также стимулированы осмыслением концепции времени Бергсона (см.: [3]). При этом его отличает стремление онтологически фундировать исторический опыт, выявляя его бытийный характер, что заставляет вспомнить, несмотря различия его варианта философии жизни и платформы фундаментальной онтологии, построения М. Хайдеггера.

Видение истории представляется Зиммелю в поздний период его творчества всецело зависимым от временной организации опыта, кото-

рая задана потоком жизни. «Время, – пишет Зиммель в «Созерцании жизни», – есть жизнь в отвлечении от её содержаний, поскольку лишь жизнь из вневременной точки настоящего по двум направлениям трансцендирует любую действительность и тем самым реализует временную длительность, т. е. само время» [9, с. 14]. Оно представляется Зиммелю связанным с постоянным потоком становления самотрансцендирования – самопревосхождения жизни, задающим структуру опыта. Как переживание жизни, её течения, которое отлично от содержания переживаемых событийно явлений, оно, заявляет Зиммель, было неверно истолковано Кантом, который понял его лишь в физическом плане как условие реализации процессов природно-физического мира, забыв об изначальной историчности времени, формирующей опыт человека. На базе исторического по своим истокам опыта личности рождаются различные миры, способные конструировать осмысленные картины того, что воспринимается как реальность, преломленная сквозь призму средств мифа, морали, науки, искусства или истории. История при этом воспринимается Зиммелем как создающая мир, который в плане его близости к историческому опыту более созвучен жизни, нежели наука или даже искусство [9, с. 65]. В своей повествовательной ипостаси история способна при этом опираться, как считает Зиммель, на средства изображения событий, которыми обладает искусство.

Задумываясь в поздний период своего творчества над вопросом, что делает цепь событий, совершаемых людьми, историей, Зиммель заключает, что ответ на него не может быть получен без подробного рассмотрения феномена исторического времени как базовой характеристики опыта жизни: «Радикальный историзм предлагает разрешить целостно проблему понимания результата деяния человека через реконструкцию условий и стадий его временного развития» [18, р. 116]. Уникальность и неповторимость события социокультурной реальности, по мысли Зиммеля, еще не являются главной характеристикой его историчности, не гарантируют таковой. Здесь он со всей очевидностью вступает в полемику с неокантианским учением Виндельбанда и Риккерта, исходивших из непреодолимой полярности номотетического и идиографического вариантов познавательного отношения к миру. Предшествующие штудии феномена понимания действий индивидуальных исторических субъектов и комплексных ситуаций, в которые они вовлечены, убеждают Зиммеля в том, что их итог отнюдь не обязательно влечет за собой построение собственно исторического знания. Познающий субъект, на его взгляд, может понять интересы и мотивы деятельности другого субъекта, стремившегося некогда к определенному результату, или же постигнуть содержание ситуации, в которую вовлечены индивидуальные и групповые субъекты истории, но описание и объяснение таких еще не будут составлять историческое знание в своей отвлеченности от целостного видения панорамы минувшего в потоке времени:

«Историческим может считаться лишь то содержание, которое фиксируется во времени» [7, с. 521]. В этой связи стоит заметить, что впоследствии в границах аналитической философии истории А. Данто убедительно показал, что уже элементарное историческое суждение содержит в себе ссылку на связь описываемого события не только с предшествующим, но и с последующими за ним во времени, а значит, является шагом к построению наррации о фрагменте прошлого, подразумеваемом в качестве фона целостное его видение.

Если обратиться к сериальным событиям прошлого, которые связаны с определенной репродуцируемостью общих и предполагаемо значимых типов взаимосвязи между людьми, сопутствующих им нормативов деятельности, то они, по Зиммелю, сами по себе также не являются принадлежащими к истории. При этом потенциально, вопреки подходу теоретиков Баденской школы, общее и априорно полагаемое как задающее деяние людей, сплоченных в сообщество, представляется Зиммелю вполне вписывающимся в историческое повествование. Оно может стать частью истории, в его понимании, опять же только при условии вхождения в целостное видение её картины в свете наличного здесь и теперь и окрашенного переживанием непрестанного становления времени опыта.

Носителем опыта истории является индивидуальный исторический субъект, включенный, как неустанно подчеркивает Зиммель в поздний период своего творчества, в совокупность синхронных социальных связей и одновременно принадлежащий диахронному потоку традиции [6, с. 534–535]. Рассуждения Зиммеля о значимости традиции для постижения прошлого и настоящего предвосхищают во многом её рассмотрение Гадамером, а акцент интерсубъективных связей заставляет вспомнить построения Ю. Хабермаса. Традиция предстает тем смысловым полем, которое позволяет индивидуальному носителю исторического опыта отыскать собственный ракурс понимания индивидуальных событий и их констелляций в целостности минувшего. Она влияет одновременно на понимание современности и предвосхищение грядущего.

В итоге размышлений Зиммеля о временном характере исторического опыта и его способности организовывать осмысление как целостности истории, так и её фрагментов в поздний период его деятельности складывается подход, который во многом видоизменяет его взгляд на наделение прошлого смысловым содержанием. Если ранее способность наделения исторических событий смыслом связывалась в финальной инстанции с введением глобальных метафизических допущений, то на позднем витке своих размышлений, не отвергая роли последних, Зиммель говорит о возможности смыслообразования на базе исторического опыта, укорененного во времени традиции. Опыт истории, суммируемый в настоящем, одновременно оказывается устремленным в будущее.

Выводы

Воззрения Г. Зиммеля на исторический опыт и его роль в постижении прошлого претерпели значительную трансформацию на протяжении эволюции его философского мировоззрения. Его трактовка такового складывалась во многом под влиянием осмысления теоретического наследия Канта и неокантианства в вариантах Виндельбанда, Риккерта, М. Вебера, а также Гёте и таких теоретиков философии жизни, как Дильтей и Бергсон. Ряд исследователей говорят и о восприятии им феноменологии Гуссерля. При целостном рассмотрении предложенного Зиммелем видения исторического опыта отчетливо обнаруживается, что первоначально, отдавая должное исканиям Дильтея, он все же руководствовался желанием последовательно провести в собственной версии «критики исторического разума» линию трансцендентальной рефлексии, предполагающей обнаружение различных априорных пластов, задействованных в постижении минувшего. В конце своего философского пути Зиммель в духе установки философии жизни в трактовке исторического опыта опирается прежде всего на идею его экзистенциальной первичности по отношению к любым проявлениям мысли, изначальной порожденности пребыванием в потоке времени.

Размышляя о понимании элементарных актов субъектов прошлого, Зиммель в ранний период своей деятельности исходил из невозможности их постижения как принадлежащих к области «вещей в себе» и своеобразной расшифровке их психологической подосновы по зафиксированным на базе источников внешним явлениям. Одновременно на основе кантовского учения Зиммель также декларировал предполагаемое априорно заданное сходство организации опыта историка и изучаемой им личности. Обосновывая возможность эмпатического проникновения в психологию субъекта истории, Зиммель утверждал важность применения с этой целью и незамеченных Кантом иных априорных предпосылок, к числу которых он относил знание индивидуальной психологии, а также представлений о структурах «объективного духа», которые складываются в различных коллективных общностях в конкретике их воспроизведения во времени. Однако рассмотрение событий прошлого нуждается, как рассуждал Зиммель в этот период, также и в их осмыслении в границах целостности истории. Вполне в духе «ревизованного» им Канта Зиммель предполагает поэтому важным дополнить опыт, возникающий как итог синтеза феноменально данного с априорными формами чувственности и рассудочными категориями, а также с вышеназванными априорными формами, продуктом разума – глобальными метафизическими конструкциями истории. Не принимая резкой антиметафизической позиции Дильтея, Зиммель мыслит картины, рисуемые метафизикой истории, как своеобразные допущения, необходимые для получения смысла исторических событий, и говорит о их плюральном многообразии. В поздний период своего творчества, не опровергая

прежних историософских размышлений, Зиммель передает функцию созидания смысла минувшего всецело историческому опыту как онтологически фундированному, сопутствующему существованию субъекта, непрестанно преодолевающему себя во временном потоке становления жизни. Сопрягая традицию и настоящее, исторический опыт рисуется Зиммелем как основание придания смысла событийным ансамблям через соотнесение их с целостностью картины минувшего.

Список литературы

1. Ануфриева К.В. И. Кант и В. Дильтей: опыт и его временное измерение // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: «Философия». 2020. № 1. С. 284–298.
2. Арон Р. Критическая философия истории // Избранное: Введение в философию истории. М.; СПб., 2000. С. 7–212.
3. Блауберг И. И. Анри Бергсон. М.: Прогресс-традиция, 2003. 672 с.
4. Губман Б.Л. Смысл истории: Очерки современных западных концепций. М.: Наука, 1991. 192 с.
5. Дильтей В. Построение исторического мира в науках о духе // Собр. соч. М.: Дом интеллектуальной книги, 2004. Т. 3. С. 43–405.
6. Зиммель Г. К вопросу о философии истории // Избранное. М.: Юрист, 1996. Т. 1. Философия культуры. С. 532–537.
7. Зиммель Г. Проблема исторического времени // Избранное. М.: Юрист, 1996. Т. 1. Философия культуры. С. 517–529.
8. Зиммель Г. Проблемы философии истории: Эюд по теории познания. М.: Книжный дом «Либроком», 2011. 166 с.
9. Зиммель Г. Созерцание жизни. Четыре метафизические главы // Избранное. М.: Юрист, 1996. Т. 2. Созерцание жизни. С. 7–185.
10. Ионин Л. Г. Зиммель: жизнь и философия // Зиммель Г. Избранное. М.: Юрист, 1996. Т. 2 Созерцание жизни. С. 550–568.
11. Ландман М. Георг Зиммель: контуры его мышления // Зиммель Г. Избранное. М.: Юрист, 1996. Т. 2. Созерцание жизни. С. 529–538.
12. Филиппов А.Ф. Обоснование теоретической социологии: введение в концепцию Г. Зиммеля // Зиммель Г. Избранное. М.: Юрист, 1996. Т. 2. Созерцание жизни. С. 569–599.
13. Хабермас Ю. Зиммель как диагност времени // Зиммель Г. Избранное. М.: Юрист, 1996. Т. 2 Созерцание жизни. С. 539–547.
14. Backhaus G. Simmel's Philosophy of History and Its Relation to Phenomenology: Introduction // Human Studies, 2003. № 26. P. 203–208.
15. Jacob L. Simmel épistémologue : entre criticisme, dialectique et herméneutique du fragment // Georg Simmel et les sciences de la culture. Sous la direction de Jean-François Côté et Alain Deneault. Pavillon Pollack, Université Laval. Québec : Les Presses de l'Université Laval, 2010. P. 55–66.
16. Oakes G. Introduction // Simmel Georg. Essays on Interpretation in Social Science. Translated and edited by Guy Oakes. Totowa, NJ: Rowman and Littlefield. 1980. P. 3–92.

17. Schwartz B. How is History Possible? Georg Simmel on Empathy and Realism // *J. of Classical Sociology*. 2017. № 17(3). P. 213–237.
18. Simmel G. On the Nature of Historical Understanding // *Essays on Interpretation in Social Science*. Translated and edited by Guy Oakes. Totowa, NJ: Rowman and Littlefield. 1980. P. 97–126.
19. Simmel G. The Constitutive Concepts of History // *Essays on Interpretation in Social Science*. Translated and edited by Guy Oakes. Totowa, NJ: Rowman and Littlefield. 1980. P. 145–198.

THE PROBLEM OF HISTORICAL EXPERIENCE IN G. SIMMEL'S PHILOSOPHY

B.L. Gubman, K.V. Anufrieva

Tver State University, Tver

The article examines the evolution of G. Simmel's views on the problem of historical experience. It reveals that the interpretation of this topic is formed in his thought under the predominant influence of the legacy of I. Kant and neo-Kantianism, as well as W. Dilthey and H. Bergson. The early period of development of Simmel's views on the specifics of historical experience is marked by the dominant impact of Kant's ideas, which subordinates the problematic of Dilthey's thought. At the end of his academic career, Simmel develops a version of the interpretation of historical experience, which, with its emphasis on its temporary nature, is generally in line with the prevailing approach of the philosophy of life.

Keywords: *history, historical knowledge, historical experience, understanding, meaning of history, I. Kant, V. Dilthey, H. Bergson, philosophy of life, neo-Kantianism.*

Об авторах:

ГУБМАН Борис Львович – доктор философских наук, профессор, зав. каф. философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: gubman@mail.ru

АНУФРИЕВА Карина Викторовна – кандидат философских наук, доцент каф. философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: Anufrieva.KV@tversu.ru

Authors information:

GUBMAN Boris Lvovich – PhD in Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Theory of Culture of Tver State University. E-mail: gubman@mail.ru

ANUFRIEVA Karina Victorovna – PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy and Theory of Culture of Tver State University. E-mail: Anufrieva.KV@tversu.ru